

Сумачев Алексей Витальевич

профессор Академического
департамента Школы права и управле-
ния Тюменского государственного
университета, доктор юридических
наук, профессор

Sumachev Alexey V.

professor of the Academic department
Schools of law and management
University of Tyumen,
doctor of law, professor

Статья поступила
в редакцию:
13.03.2026

одобрена после
рецензирования
26.03.2026

принята
к публикации
15.06.2026

Тюмень
Российская Федерация

Tyumen
Russian Federation

✉ alekssumachev@mail.ru
SPIN-код (РИНЦ) 3228-9170
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1133-9574>

УДК: 343.8

Особенности уголовно-исполнительной политики России в отношении несовершеннолетних

Features of Russia's penal enforcement policy in relation to minors

Аннотация. Актуальность. Нет сомнений в том, что исполнение наказаний в отношении несовершеннолетних имеет свои особенности. В статье рассмотрены отдельные особенности уголовно-исполнительной политики России в отношении несовершеннолетних.

Целью является анализ особенностей достижения целей наказаний, применяемых к несовершеннолетним, специфика организации специальных учреждений и органов по исполнению наказаний в отношении несовершеннолетних, а также социализации лиц, отбывших наказание в несовершеннолетнем возрасте.

Выводы. Исследование специфики отбывания наказания осужденными несовершеннолетними позволяет сделать вывод о наличии особенностей уголовно-исполнительной политики в отношении этой категории преступников, имеющей свои специфические цели, принципы, стратегию, формы и методы деятельности государства и общественных объединений по обеспечению исполнения наказания, исправлению (воспитанию) несовершеннолетних осужденных, предупреждению совершения новых преступлений как осужденными несовершеннолетними, так и иными лицами несовершеннолетнего возраста.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система Российской Федерации, несовершеннолетний, цели наказания, социализация несовершеннолетних осужденных.

Annotation. Relevance. There is no doubt that the execution of punishments against minors has its own peculiarities. The article discusses some features of Russia's penal enforcement policy in relation to minors.

The purpose is to analyze the specifics of achieving the goals of punishment applied to minors, the specifics of the organization of special institutions and bodies for the execution of punishments against minors, as well as the socialization of persons who have served their sentences at a minor age.

Conclusions. The study of the specifics of serving sentences by convicted minors allows us to conclude that there are features of the penal enforcement policy in relation to this category of criminals, which has its own specific goals, principles, strategy, forms and methods of activity of the state and public associations to ensure the execution of sentences, correction (education) of juvenile convicts, prevention of the commission of new crimes as convicted minors, as well as other persons of minor age.

Keywords: penal enforcement system of the Russian Federation, minor, purposes of punishment, socialization of juvenile convicts.

Для цитирования: Сумачев А.В. Особенности уголовно-исполнительной политики России в отношении несовершеннолетних // Научные исследования преступления и наказания. № 2 (6). 2026. С. 53–60.

For citation: Sumachev Alexey V. Features of Russia's penal enforcement policy in relation to minors// Scientific Crime and Punishment Research Journal. No 2 (6). 2026. P. 53–60.

Введение. Нет сомнений в том, что преступность несовершеннолетних составляет основу для воспроизводства преступности в целом, а свой первый противоправный опыт профессиональные преступники, как правило, приобретают в юности. Соответственно, уровень

рецидивности в современной России остается высоким, а наблюдаемое в последние годы снижение преступности несовершеннолетних незначительно. Для глубокого осмысления проблемы следует предварительно определить место уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних в общей системе противодействия преступности. Данная сфера, выступая органичной частью единой уголовной политики государства, относится к элементам его внутренней направленности. При этом в юридической литературе справедливо обосновывается недопустимость установления знака равенства между уголовной и пенитенциарной политикой. Последняя обладает собственным предметом регулирования, а участники уголовно-правовых отношений далеко не всегда становятся субъектами уголовно-исполнительных [1, с. 8]. Несмотря на тесную взаимосвязь с нормами материального права, процесс исполнения наказаний сохраняет существенную автономию и способен оказывать на них обратное влияние. Более того, профильные решения нередко прямо противоречат общим карательным тенденциям [2, с. 11]. Например, на фоне возможного ужесточения репрессии за ряд деяний, современный вектор работы с правонарушителями-подростками ориентирован на дальнейшую гуманизацию. Подобный диссонанс отчетливо подчеркивает специфику и самостоятельность анализируемой нами темы.

Далее, стоит утверждать, что в системе правоохранительных органов особое место занимает уголовно-исполнительная система (УИС), которая, наряду с правоохранительными функциями, реализует задачи воспитания осужденных, производственно-хозяйственную деятельность, материально-бытовое и медицинское обеспечение.

Обсуждения и результаты. Общеизвестно, что предметом уголовно-исполнительной (как и уголовной в целом) политики является преступность, которая складывается из ряда значительных блоков [3, с. 27]. Первым в их числе является совокупность преступлений, совершенных несовершеннолетними, влияющая на проблемы преступного насилия, преступления в семейно-бытовой сфере, преступную корысть, в частности, преступления против собственности, еще в большей степени – рецидивную и организованную преступность. Сказанное позволяет рассматривать уголовно-исполнительную политику в отношении несовершеннолетних как важную составную часть борьбы с преступностью в целом.

Соответственно, можно говорить и о возможности условного выделения отдельной составной части уголовно-исполнительной политики, а именно, в отношении несовершеннолетних. Ее эволюция в России демонстрирует сложный переход от исключительно карательных мер к педагогически обоснованным формам ресоциализации. Анализ исторического опыта позволяет выделить три ключевых этапа, предопределивших современные концептуальные подходы:

Дореволюционный период (вторая половина XIX – начало XX вв.). Характеризуется первыми системными попытками институционализации специальных учреждений (приютов и земледельческих колоний) для малолетних правонарушителей. В этот период происходит постепенный отход от сугубо карательного подхода за счет внедрения педагогических принципов, в частности, принципа педагогического оптимизма, опоры на положительные качества личности подростка и организации посильного труда, активно продвигаемых А.Я. Гердтом [4, с. 41]. При этом проблема совместного содержания несовершеннолетних со взрослыми преступниками, ведущая к ранней криминализации первых, оставалась нерешенной.

Советский период (1917–1991 годы). Данный этап отличался определенной степенью непоследовательности. Первоначальный отказ от тюремного заключения для подростков (1918 год) и успешный опыт трудовых коммун А.С. Макаренко, базирующийся на строгой дисциплине и самоуправлении, сменились в середине 1930-х годов жестким репрессивным вектором, снижением возраста уголовной ответственности и включением подростков в общую систему лагерей [5, с. 88]. Возврат к идеям гуманизации и дифференциации воспитательного воздействия, основанного на достижениях пенитенциарной психологии

и педагогики, произошел лишь в 1960–1970-е годы (в частности, в трудах Г.М. Миньковского), когда приоритетными вновь стали общеобразовательные цели [6].

Постсоветский период (с 1991 года по настоящее время). Переход к современному этапу ознаменовался закреплением на доктринальном и законодательном уровнях идеи гуманизации исполнения уголовных наказаний. Формируется новая нормативная база, ориентированная не только на изоляцию, но и на обеспечение ресоциализации, смягчение условий отбывания наказания и внедрение международных стандартов обращения с несовершеннолетними правонарушителями [5, с. 89].

Проведенный краткий ретроспективный анализ позволяет сделать промежуточный вывод. Он состоит в том, что результативность исправительного воздействия на несовершеннолетних прямо пропорциональна степени обособления их от взрослых криминальных элементов и уровню интеграции педагогических методов в процесс исполнения наказания.

Современная уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних, как представляется, обусловлена рядом черт, которые выражаются:

- 1) в особенностях целей и принципов политики государства в борьбе с преступностью несовершеннолетних;
- 2) в правовых нормах, регулирующих указанную сферу политики;
- 3) в организации специальных учреждений и органов по исполнению наказаний в отношении несовершеннолетних;
- 4) в особенностях социализации лиц, отбывших наказание в несовершеннолетнем возрасте.

Особенности целей и принципов политики государства в борьбе с преступностью несовершеннолетних. Уголовно-исполнительная политика имеет свои цели. Н.А. Стручков едва ли не впервые определял их следующим образом: «Цели же уголовно-исполнительной политики ориентируют соответствующие органы государства и общественные организации на то, чтобы назначенное осужденному наказание было исполнено надлежащим образом, иными словами, чтобы оно карало преступника и в то же время, само по себе, будучи соединенным с исправительно-трудовым воздействием, достигало с наибольшей эффективностью цели исправления и перевоспитания осужденного, а также предупреждения совершения новых преступлений как самим осужденным, так и другими лицами» [7, с. 94]. При этом, вторая часть определения фактически называет цели наказания: исправление осужденного, а также предупреждение совершения новых преступлений осужденными и иными лицами. Цели наказания едины независимо от вида учреждения и от того, кто в нем отбывает наказание: несовершеннолетний или взрослый преступник, мужчина или женщина, впервые осужденный или рецидивист.

Однако, как представляется, некоторые вопросы определения целей наказания применительно к несовершеннолетним имеют свои особенности. Анализ целей наказания в отношении несовершеннолетних необходимо проводить с учетом социального назначения всего уголовного закона.

Так, важной целью наказания является восстановление социальной справедливости. Анализируя действующее уголовное законодательство, можно сделать вывод, что содержание понятия «восстановление социальной справедливости» раскрывается опосредствованно через другие термины: «возмещение ущерба от преступления», «общепризнанные принципы и нормы», «наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления», а также через закрепленные в статьях Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) принципы гуманизма и справедливости.

Относительно принципа справедливости, в соответствии с которым наказание, назначенное осужденному, должно быть эквивалентным тем страданиям потерпевшего, которые ему были нанесены в результате преступления (ч. 1 ст. 6 УК РФ), можно заметить следующее.

Указанный эквивалент вряд ли будет справедлив применительно к несовершеннолетним преступникам. Назначая наказание этой категории преступников, следует принимать во внимание, прежде всего, принципы гуманизма, целесообразности и эффективности.

Цель исправления осужденного касается всех категорий осужденных, в том числе несовершеннолетних. В этом случае требуется учитывать индивидуальные особенности несовершеннолетних преступников, в частности:

анатомо-физиологические, психологические и нравственно-этические качества характера;

непродолжительный жизненный опыт;

продолжающийся процесс их социализации;

присутствие у многих из них прочных антиобщественных установок.

В этой связи, более приемлемым представляется использование в качестве цели наказания термина «воспитание» либо «воспитание и исправление», чем «исправление». Указанное предложение подкрепляется тем, что все основные средства исправления осужденных, закрепленные в уголовно-исполнительном законодательстве, имеют ярко выраженный воспитательный характер [8, с. 178].

Углубляя анализ заявленных целей и принципов, следует обратить внимание на противоречие отдельных правовых установок. С одной стороны, принцип справедливости (ч. 1 ст. 6 УК РФ) требует эквивалентности наказания причиненным потерпевшему страданиям. С другой стороны, применительно к несовершеннолетним правонарушителям доминирующей тенденцией современной уголовно-исполнительной политики выступает дальнейшая гуманизация и постепенный отход от кары за содеянное в пользу восстановления социальной справедливости [9, с. 57]. Указанная тенденция исторически базировалась на ряде международных стандартов (в частности, Пекинских правилах и Правилах ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы)¹, прямо декларирующих, что помещение подростка в исправительное учреждение должно применяться исключительно в качестве крайней меры и на минимально необходимый срок.

Вместе с тем, современный этап развития уголовно-исполнительной политики характеризуется существенным изменением внешнеполитического вектора. В связи с принятием Федерального закона от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы»² и утверждением Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей³, приоритет закономерно смещается в сторону учета суверенных национальных интересов. Как подчеркивает Конституционный Суд Российской Федерации, нормы международного права подлежат реализации в отечественной правовой системе только при условии признания высшей юридической силы Конституции Российской Федерации⁴.

Подобный отход от безусловного приоритета международных актов не означает отказа от вектора гуманизации. Напротив, национальная Концепция развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года закрепляет курс на обеспечение условий,

¹ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (Приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС КонсультантПлюс.

² О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы : федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ // СПС КонсультантПлюс

³ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 (ред. от 04.03.2026) // СПС КонсультантПлюс

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2015 № 21-П // СПС КонсультантПлюс
© Сумачев А.В.

не унижающих человеческого достоинства⁵, а также на ресоциализацию и социальную адаптацию. Таким образом, национальная модель исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних окончательно переносит смысловой акцент с возмездия на минимизацию разрушительных последствий изоляции и формирование у подростка уважительного отношения к обществу и труду [10, с. 9].

Достижение целей наказания в отношении несовершеннолетних возможно путем оптимального соотношения общей и специальной превенции. Следует предположить, что эффект от общепредупредительного воздействия наказания на несовершеннолетних гораздо слабее, чем от аналогичного воздействия на взрослого. Это зависит не только от гуманности закона, но и от самого восприятия подростками наказания. Последнее, как замечал в свое время В.Н. Кудрявцев, определяется более низким уровнем правовой культуры несовершеннолетнего, чем у взрослого, недостаточным образованием, наличием инфантильности [11, с. 46].

Вместе с тем, на наш взгляд, здесь недопустимо и преувеличение значения специального предупреждения. Соответственно, вывод Л.А. Ключинской о том, что «при изучении социальной эффективности уголовного наказания в отношении несовершеннолетних доминирующее значение должна иметь специальная превенция», можно подвергнуть сомнению [12, с. 106].

Особенности правовых норм, регулирующих уголовно-исполнительную политику в отношении несовершеннолетних. Уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних реализуется в актах различного характера. Речь идет об особенностях назначения и исполнения наказания данной категории правонарушителей, определяемых в соответствующих главах УК РФ и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ). При этом анализ ряда международных стандартов в сфере обращения с несовершеннолетними осужденными и организации исполнения в отношении них уголовных наказаний показывает, что УИК РФ в основном воспринял закрепленные международные принципы. Нормы рекомендательного характера международных организаций реализуются в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве при наличии необходимых экономических и социальных возможностей.

Особенности организации специальных учреждений и органов по исполнению наказаний в отношении несовершеннолетних. Организация надлежащей деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в отношении несовершеннолетних, несомненно, имеет свою специфику. Если речь идет о несовершеннолетнем преступнике, отбывающем наказание в виде лишения свободы, то оно исполняется в воспитательных колониях. В них устанавливаются обычные, облегченные, строгие и льготные условия отбывания наказания. Питание, вещевое довольствие и коммунально-бытовое обеспечение лиц, содержащихся в воспитательных колониях, осуществляется по повышенным нормам, учитывающим физиологические потребности подростков. Более того, персонал данных учреждений должен иметь соответствующую подготовку и навыки работы с молодежью.

Помимо специфики внутренних условий содержания, практическая реализация лишения свободы в отношении несовершеннолетних на современном этапе сталкивается с рядом системных проблем. Для их объективного осмысления необходимо учитывать актуальный криминологический портрет воспитанника. Как в своей работе указывают С.И. Паканич и А.В. Перминов, подавляющее большинство лиц, рассматриваемой категории (около 98 %), отбывают наказание в виде лишения свободы впервые, при этом значительную долю составляют лица, осужденные за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (до 19 %) и преступления против половой неприкосновенности (до 14 %), а основной возрастной контингент – это подростки 16–17 лет (около 65 %) [9, с. 62].

⁵ О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) // СПС КонсультантПлюс
© Сумачев А.В.

На фоне общего снижения подростковой преступности и расширения практики применения альтернативных видов наказаний произошло резкое сокращение количества воспитательных колоний. Данная оптимизация структуры уголовно-исполнительной системы породила серьезную логистическую и правовую коллизию: фактическую невозможность реализации закрепленного в законе принципа отбывания наказания в регионе проживания осужденного. Направление подростков в отдаленные субъекты неизбежно ведет к разрыву социально полезных (в первую очередь – родственных) связей, что критически снижает потенциал успешной ресоциализации.

Другой острой проблемой выступает регламентированный перевод осужденных, достигших 18-летнего возраста (в исключительных случаях – 19 лет), в исправительные колонии общего режима для взрослых. Подобный перевод выступает сильнейшим стрессовым фактором, зачастую нивелирует достигнутые результаты воспитательного воздействия и создает прямую угрозу криминального заражения со стороны профессиональной преступной среды. В качестве способа разрешения данных противоречий целесообразно рассматривать создание изолированных участков, функционирующих как исправительная колония общего режима, непосредственно при воспитательных колониях для отбывания наказания лицами старше 18 лет, а также экспериментальное внедрение одиночного камерного размещения в ночное время суток в целях обеспечения личной безопасности воспитанников [9, с. 65].

Особенности социализации лиц, отбывших наказание в несовершеннолетнем возрасте. Отметим, что проблемы социальной реабилитации несовершеннолетних, отбывших наказание, связанные с изоляцией от общества, необходимо решать в рамках уголовно-исполнительной политики. Как представляется, следует вернуться к специальной системе контроля за лицами, освободившимися из воспитательных колоний – в течение года в отношении таких лиц устанавливается совместное наблюдение силами сотрудников как воспитательной колонии, так и комиссий по делам несовершеннолетних, а затем – уголовно-исполнительных инспекций.

Важным шагом в решении обозначенных проблем ресоциализации стало принятие Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»⁶. Данный нормативный правовой акт выводит процесс социальной адаптации на качественно новый уровень. Внедряемый институт пробации предполагает переход от исключительно надзорно-контрольных функций к комплексному взаимодействию учреждений уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества, образовательными, медицинскими и религиозными организациями. Применительно к несовершеннолетним правонарушителям подобный подход имеет критическое значение. Он позволяет на системной основе восстанавливать утраченные социально полезные связи, оказывать адресную психологическую поддержку и содействовать в получении образования и последующем трудоустройстве. Оптимизация системы пробации и активное вовлечение в этот процесс структур гражданского общества выступают сегодня одним из ключевых вызовов современной пенитенциарной политики, реализация которого способна существенно минимизировать риски постпенитенциарного рецидива среди молодежи [10, с. 10]. Программы социальной помощи и защиты подростков, отбывших уголовное наказание, должны стать составной частью уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних.

Выводы. Проведенное исследование позволяет констатировать, что уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних в современной России представляет собой сложную, динамически развивающуюся систему, стремящуюся к балансу между государственным принуждением и педагогической необходимостью. На основании анализа специфики исполнения наказаний можно сформулировать отдельные итоговые положения.

⁶ О пробации в Российской Федерации : федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СПС КонсультантПлюс.
© Сумачев А.В.

В первую очередь следует констатировать, что уголовно-исполнительная политика в отношении подростков окончательно обособилась в самостоятельное направление, где смысловой акцент смещен с возмездия (кары) на минимизацию деструктивных последствий изоляции и приоритет воспитательного воздействия. Однако достижение целей наказания осложняется спецификой восприятия санкций несовершеннолетними, что требует признания важной роли воспитания над формальным исправлением.

Во-вторых, обращает на себя внимание существующий разрыв между установками на ресоциализацию и фактической организацией системы воспитательных колоний. Сокращение их количества приводит к нарушению принципа отбывания наказания в регионе проживания, разрыву социально полезных связей и создает риски «криминального заражения» при вынужденном переводе воспитанников во взрослые исправительные учреждения.

В-третьих, внедрение института пробации выступает эффективным инструментом преодоления рецидивной преступности. Его результативность напрямую зависит от глубины интеграции усилий органов УИС, образовательных организаций и институтов гражданского общества в процессе постпенитенциарной адаптации.

Список используемой литературы

1. Тепляшин, П.В. Уголовно-исполнительная политика Российской Федерации: понятие, содержание, формы выражения и методологический инструментарий // Вестник Владимирского юридического института. 2025. № 1(74). С. 6–14. EDN: VTSYQX
2. Селиверстов В.И., Грушин Ф.В. Роль уголовно-исполнительной политики и ее соотношение с уголовно-правовой политикой Российской Федерации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 2 (55). С. 9–15. EDN: GQEEJC
3. Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. 176 с.
4. Беляева Л.И. Воспитание несовершеннолетних правонарушителей в России : в 3 ч. М.; Воронеж, 2007.
- Ч. 1. Учреждения для несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи. 113 с.
5. Белова Н.А. К истории изучения уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних в России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 9. С. 86–90. EDN: LPXHNSF
6. Миньковский Г.М. Личность несовершеннолетнего преступника и современные проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних в СССР: автореф. дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.07, 12.00.08 / Миньковский Генрих Михайлович. М., 1972. 43 с.
7. Стручков Н.А. Наказание как средство борьбы с преступностью // Советское государство и право. М.: Наука, 1969, № 11. С. 91–98.
8. Миньковский Г.М. Некоторые вопросы правовой регламентации деятельности исправительно-трудовых учреждений для несовершеннолетних // Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства. Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та, 1961. С. 182–189.
9. Паканич С.И., Перминов А.В. К вопросу об уголовно-исполнительной политике в отношении несовершеннолетних осужденных к лишению свободы // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2024. № 1(19). С. 57–66. EDN: IPAPBT.
10. Полищук Н.И. Современная уголовно-исполнительная политика России: вызовы, цели, и перспективы // Профессиональное юридическое образование и наука. 2025. № 3(19). С. 8–11. EDN: YIYNKT.
11. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. О структуре индивидуального преступного поведения. М.: Юрид. лит., 1968. 176 с. EDN: ZGTPYF
12. Ключинская Л.А. Социальная эффективность лишения свободы как правонарушителей // Советское государство и право. 1966. № 1. С. 105–108.

References

1. Teplyashin, P.V. Criminal-executive policy of the Russian Federation: concept, content, forms of expression, and methodological tools // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2025. No. 1 (74). pp. 6–14. EDN: VTSYQX.
2. Seliverstov, V.I., Grushin, F.V. The role of criminal-executive policy and its relationship with the criminal-legal policy of the Russian Federation // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (55). pp. 9–15. EDN: GQEEJC.
3. Belyaev, N.A. Criminal-legal policy and ways of its implementation. L.: Publishing house of Leningrad. University, 1986. 176 p.
4. Belyaeva, L.I. Education of Juvenile Offenders in Russia: In 3 Parts. Moscow; Voronezh, 2007. Part 1. Institutions for Juvenile Offenders in the Russian Empire. 113 p.

5. Belova, N.A. On the History of the Study of Criminal-Executive Policy Regarding Minors in Russia // Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. 2009. No. 9. pp. 86–90. EDN: LPXHSF.
6. Minkovsky, G.M. Personality of a Juvenile Offender and Contemporary Problems of Combating Juvenile Crime in the USSR: Abstract of a Doctor of Law Dissertation: 12.00.07, 12.00.08 / Minkovsky, Genrikh Mikhailovich. Moscow, 1972. 43 p.
7. Struchkov, N.A. Punishment as a Means of Combating Crime // Soviet State and Law. Moscow: Nauka, 1969, No. 11. Pp. 91–98.
8. Minkovsky, G.M. Some Issues of Legal Regulation of the Activities of Correctional Labor Institutions for Minors // Problems of the Development of Soviet Correctional Labor Legislation. Saratov: Publishing House of the Saratov Legal Institute, 1961. Pp. 182–189.
9. Pakanich, S.I., Perminov, A.V. On the Issue of Criminal-Executive Policy in Relation to Juveniles Sentenced to Imprisonment // Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2024. No. 1 (19). Pp. 57–66. EDN: IPAPBT.
10. Polischuk N.I. Modern Criminal-Executive Policy of Russia: Challenges, Goals, and Prospects // Professional Legal Education and Science. 2025. No. 3(19). Pp. 8–11. EDN: YIYHKT.
11. Kudryavtsev V.N. Causality in Criminology. On the Structure of Individual Criminal Behavior. Moscow: Legal Literature, 1968. 176 p. EDN: ZGTPYF.
12. Klyuchinskaya L.A. Social Efficiency of Deprivation of Liberty for Offenders // Soviet State and Law. 1966, No. 1. Pp. 105–108.